

УДК 347.441.62

Хайруллин Денис Галеевич

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международно-правовой институт

Россия, Москва

nedisky@gmail.com

Khairullin Denis Galeevich

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of international law

Russia, Moscow

ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: со времен римского частного права существует аксиома, что договор должен исполняться. Однако, в связи с тем, что договорные отношения направлены в будущее, проблемы толкования неизбежны. Таким образом, чтобы преодолеть интерпретационные проблемы и выполнить основную цель обязательства необходимо использовать те средства, которые предлагает догматика института толкования договора. Автором будут рассмотрены основные доктрины и способы толкования договора в англо-американском, континентальном и отечественном праве.

Ключевые слова: толкования договора, волеизъявление, воля, способы толкования, субъективный подход, объективный подход.

INTERPRETATION OF LAW: THEORY AND PRACTICE

Annotation: since Roman private law, there is an axiom that a contract must be enforced. However, due to the fact that contractual relations are directed to the future, interpretation problems are inevitable. Thus, in order to overcome the interpretation problems and fulfill the main goal of the obligation, it is necessary to use the means that the dogma of the institution of treaty interpretation offers. The author will

consider the basic doctrines and methods of interpretation of the treaty in Anglo-American, continental and domestic law.

Key words: interpretation of the contract, expression of will, will, methods of interpretation, subjective approach, objective approach.

Ещё со времен античности римское частное право предусматривало общее для обязательственных правоотношений правило, согласно которому договор должен исполняться (*pacta sunt servanda*). Однако не каждый договор в силу каких-либо обстоятельств может быть правильно понят сторонами, тем самым цель обязательства — её исполнение — не всегда может быть достигнута. Удачно по этому поводу высказался известный чикагский юрист Р. Познер, указывая, что: «договоры регулируют будущее, и в таком случае интерпретационные проблемы неизбежно возникают, поскольку будущее непредсказуемо [1, с. 3]». Таким образом, чтобы преодолеть интерпретационные проблемы и выполнить основную цель обязательства необходимо использовать те средства, которые предлагает догматика института толкования договора.

В зарубежной цивилистике уделяется значительное внимание институту толкования договора. Например, в американском правопорядке, как отмечает в своей работе Ю. Бенолиэль наиболее распространенными источниками судебных споров и научных обсуждений являются проблемы, связанные с толкованием договорных условий [2].

Подобного нельзя сказать про отечественную доктрину, в которой институт договора является малоисследованным. Дореволюционный и советский периоды развития отечественной цивилистики в основном оставляли этот вопрос открытым в связи с объективной ненужностью его регулирования в рамках исторического контекста. Однако на современном этапе, с переходом государства на рыночную экономику, подобного рода споры стали активно возникать в судебной практике. В результате оживления практики появились научные работы по проблемам толкования договора. Тем не менее, количество

этих исследований все еще нельзя сравнивать с количеством работ зарубежных коллег по данному вопросу. Как отмечает А.К. Байрамкулов: «отсутствие специальных исследований является одной из причин отставания российской судебной практики от современных тенденций развития института в западно-правовых системах [3, с. 6]».

В мировой цивилистической доктрине существует доминирующий подход, согласно которому воля сторон интерпретируется с субъективной или объективной позиции. Под субъективным подходом понимается, что исследованию подлежит волеизъявление оферента с позиции конкретного акцептанта, под объективным подходом — исследование волеизъявления оферента с позиции среднего разумного участника гражданского оборота [4, с. 408]. Спор о правильности применения того или иного подхода существует в науке более сотни лет, но предметом настоящей работы не является.

В рамках статьи мы рассмотрим основные подходы к толкованию договора в англо-американском, континентальном и отечественном праве, а также попробуем ответить на вопрос об общемировых тенденциях в рамках института.

Известно, что в странах англо-саксонского права нормативное регулирование долгое время носило побочный характер, а главную роль играл судебный прецедент. Несмотря на то что законодательство в современности активно вживается в сферу регулирования общественных отношений, структура и содержания законодательных актов США и Англии могут различаться не столько даже между странами, сколько в одном государстве, например, между штатами в США. В результате, преимущественному рассмотрению будут подлежать обобщенные доктринальные позиции об институте толкования договора в странах общего права, высказанные как в отечественных, так и в зарубежных публикациях.

В странах общего права существует понятие неопределенности договорного условия, под которым понимают ситуации, когда спорное условие имеет несколько исходных значений, каждое из которых может быть принято

без искажения языка. Юридически такая неопределенность приобретает значение в том случае, когда та или иная интерпретация служит предметом доказывания сторон в процессе [3, с. 8]. Таким образом, как я считаю, можно сделать вывод о том, что в странах англо-американского права необходимо соблюсти два элемента, каждый из которых в совокупности будет служить основанием для толкования договора: условия договора, которые понимаются неодинаково и обращение в суд для разрешения проблемы.

Как отмечают профессора Х. Кётц и К. Цвайгерт: «в общем праве на спор между теориями воли и волеизъявления было затрачено гораздо меньше умственной энергии и чернил, чем в континентальном праве [5, с. 114]». Так, спор в странах общего права сложился в рамках другой классификации, которая основывается на делении подходов на текстуальный и контекстуальный. Согласно текстуальной теории, судья должен учитывать только письменный текст договора и специально исключить следующие нетекстовые доказательства: практику, отношения по предшествующим договорам, преддоговорные отношения, обычаи. Согласно контекстуальной теории, судья учитывает вне-текстовые аргументы, используя их при толковании договорных условий [2]. Рассмотрим подробнее текстуальные и контекстуальные приемы, используемые в судебной практике, и выделим плюсы того или иного подхода.

Наиболее популярным правилом толкования договора, которым пользуются судьи в Америке, является правило четырех углов. Выражается данное правило в условии договора, который в странах общего права принято называть пунктом о слиянии. Важность пункта о слиянии заключается в том, что любая контекстная претензия сторон исключается автоматически, судья может руководствоваться только непосредственно текстом договора [1, с. 18].

Главными аргументами в пользу пункта о слиянии называют высокую вероятность ошибиться в условиях большого объема источников преддоговорных отношений, так как судья в них не участвовал, и существует риск, что он может понять какое-либо условие не так, как этого ожидали или

хотели стороны. Также существует мнение, что судья не всегда является профессионалом в узких вопросах, требующих специальных знаний, навыков, что тоже ставит под вопрос возможность надлежащей реализации контекстуального подхода. Наиболее значим пункт о слиянии для организаций с большим количеством работников, поскольку он позволяет сдерживать ненаблюдаемые высказывания сотрудников, способные повлечь за собой серьезные финансовые потери [2].

Основные критические замечания строятся вокруг того, что никогда нельзя быть полностью уверенным в возможности определения значения условий только из одного документа [1, с. 23].

Проведенная Ю. Бенолиэлем статистическая работа выявила, что из 1521 проанализированного договора 1145 содержали пункт о слиянии [2]. Из этого следует, что стороны договоров стараются не рисковать, полагаясь на судебное усмотрение, которое может невыгодно отразиться на их предпринимательской или иной деятельности.

Правило о четырех углах не является безусловным, поскольку даже оно имеет свои пределы использования. В договорной практике стран общего права существует так называемое правило об абсурдности, согласно которому слова договора должны быть истолкованы в их буквальном и обычном смысле, исключая случаи, когда отклонение необходимо для того, чтобы избежать абсурда, противоречия либо непоследовательности.

Еще одним приемом, известным американскому праву является правило, исключающее устные доказательства. Если правило о четырех углах запрещает использовать в качестве доказательств любые внешние доказательства, то данное правило не допускает только устные доказательства, дополняющие или изменяющие письменное соглашение.

На практике в условиях договора встречаются также контекстуальные способы толкования, хоть они и не пользуются большой популярностью. Например, правило, которое Р. Познер называет правилом о лучшей догадке («Best Guess» Rule) [1, с. 30]. В рамках данного правила судья для толкования

условия может выйти за пределы четырех углов и использовать такую интерпретацию, которую использовало бы среднее разумное лицо. Основываясь на этом, можно сказать, что договорная практика стран общего права знает схожие с объективным подходом способы толкования, хоть и не называет их таковыми открыто как на практике, так и в доктрине.

В том числе, в странах общего права встречается применение способа *contra proferentem* (против предложившего). Так как приём известен многим правовым порядкам и его можно классифицировать как международный, подробнее мы рассмотрим его при анализе института толкования договора в России, учитывая, что существенной разницы между применением данного способа в разных странах не наблюдается.

Подытожив, в договорной практике стран общего права применяются как текстуальный, так и контекстуальный подходы. Но доминирующее положение имеет текстуальный. Такую специфику, как мне кажется, можно объяснить главенствующей идеологией экономического анализа права среди юридического сообщества в странах общего права, согласно которому основной задачей права является снижение экономических издержек, чему способствует текстуальный подход. Также следует выделить, что практика англо-американского права применяет объективный подход, хоть и не называет его таковым. Возможно это вызвано тем, что конфронтация субъективного и объективного подхода характерна континентальному праву, когда общее право не делает на этом акцента.

Переходя к континентальному праву, отметим, что Р. Циммерман в своей работе, посвященной компаративистскому исследованию обязательств, указывал, что спор о правильности восприятия воли или волеизъявления существует еще со времён римского права [6, с. 622].

Для нас же большую важность имеет рассмотрение главенствующих тенденций XIX века, поскольку тогда были приняты кодексы Германии и Франции. Дореволюционный цивилист И.А. Покровский отмечает, что в первую половину XIX века полную победу одерживала концепция толкования

воли, но уже к окончанию века, теория волеизъявления брала верх. Также он же отмечает, что такая тенденция доверия внешним фактам была общим течением того времени. Например, в это же время в области вещного оборота установился принцип, согласно которому «рука за руку отвечает» (Handmuss Handwahren) [7, с. 256].

По замыслу разработчиков Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) и Германского гражданского уложения (далее – ГГУ), при толковании договора суды должны были полностью отказаться от приоритета буквального значения [3, с. 7]. Такую схожесть мы действительно обнаруживаем при рассмотрении конкретных нормативных положений ФГК и ГГУ.

Институту толкования соглашений в ФГК посвящен Раздел V Книги третьей, с которого мы и начнем анализ.

Из ст. 1156 ФГК устанавливается, что, рассматривая соглашения, в первую очередь необходимо установить взаимное намерение сторон, а не осмысливать буквальное значение слов [8, с. 453]. Исходя из этого следует, что законодатель отдает предпочтение воле, а не волеизъявлению. Эта позиция предусматривает решение каждого спора индивидуально, что противоречит принципу справедливости в гражданском праве, согласно которому равные дела должны решаться по-равному [9, с. 203]. Такое нормативное регулирование в общем порядке, по моему мнению, является опасным для имущественного оборота, поскольку затрудняет его, значительно увеличивая экономические издержки.

Действительно, спустя время суды столкнулись с проблемой значительного притормаживания имущественного оборота. В результате, чтобы решить возникшую проблему, судам пришлось взять на себя инициативу и в каком-то роде выступить в качестве законодателя, заложить новое правило толкования соглашений. Разработанное правило гласило, что точные и ясные условия не подлежат толкованию [3, с. 9]. Таким образом, во французской судебной практике закрепился приоритет буквального подхода, который

позволил разрешать возникшие проблемы с большей скоростью и меньшими затратами.

Рассматривая субъективный и объективный подходы, французская судебная практика предпочла объективный. На данный момент, как отмечал А.К. Байрамкулов, судебные решения по вопросам толкования договоров выглядят так, что суды ссылаются на ст. 1556 только в качестве церемониального действия, но в действительности руководствуются принципом, согласно которому выясняется как то или иное условие было бы понято средним разумным лицом [3, с. 10].

§133 ГГУ посвящен толкованию волеизъявления. Следует понимать, что волеизъявление по своему содержанию является более широкой категорией, чем договор. Этот параграф предусматривает, что при толковании необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь буквального смысла выражений [10, с. 234].

Важный комментарий даёт известный немецкий цивилист Ян Шапп: «Исследованию здесь подлежит не действительная воля, а та действительная воля, которая нашла свое выражение в заявлении [11, с. 216]». Так что, резюмируя сказанное, под действительной волей, подлежащей толкованию, понимаются не внутренние мысли контрагентов, действительность которых мы не можем верифицировать, а их объективированная форма.

Также по §133 высказывается известный немецкий цивилист Эннекцерус, указывая: «в параграфе не сказано, что раскрытие воли составляет конечный итог, сказано только лишь, что необходимо ее исследовать [12, с. 332]». Толкователь должен, пользуясь выражением воли и другими обстоятельствами, принимаемыми во внимание при толковании, исследовать настоящую волю, но решающее значение ей может быть придано лишь постольку, поскольку она нашла свое выражение в волеизъявлении [12, с. 332].

Основываясь на высказанных точках зрения и нормативном материале, следует сделать вывод, что немецкая доктрина и законодатель отдают явное предпочтение волеизъявлению.

Однако, по отношению к толкованию договоров ГГУ предусматривает также специальную норму. §157 ГГУ посвящен толкованию договора и предусматривает, что толковать договоры следует добросовестно, принимая во внимание обычаи оборота [10, с. 239].

Основываясь на содержании данного параграфа, в доктрине возник спор о подходах к толкованию условий договора. Немецкая доктрина, говоря о субъективном или объективном подходе, используют категорию горизонта адресата. Горизонт адресата означает как то или иное условие было бы понятно акцептантом. При субъективном подходе мы руководствуемся волей акцептанта, поскольку логичнее принять позицию адресата в качестве релевантной точки зрения, так как договор является актом коммуникации лишь с конкретной стороной и касается только ее интересов [3, с. 11]. При объективном подходе горизонт восприятия будет объективным, то есть таким, каким он предполагался бы у среднего разумного человека.

Ян Шапп для понимания концепции объективного горизонта приводит пример, согласно которому однажды житель одного города приехал в другой и посетил местный ресторан. Среди позиций ресторана была позиция «золотой петушок». Покупатель подумал, что ему принесут настоящую птицу, но на самом деле он заказал булочное изделие. Почему суд встанет на сторону ресторана? Потому что все жители этого города знали, что в этом ресторане продаются булочки, из чего следует, что любой средний разумный человек должен был знать или знал об этом [11, с. 217].

Если, несмотря на все попытки толкования, решающий смысл изъявления не может быть установлен полностью или частично, то невыясненная часть признается ничтожной [12, с. 337].

Подводя итоги, в рамках французской и немецкой правовых систем, можно обнаружить общие черты. Во-первых, в борьбе между восприятием воли и волеизъявления оба правопорядка выбирают волеизъявление, устанавливая приоритет буквального толкования как первого приема, с которого должен начать разрешать спор суд. Во-вторых, в споре между субъективным и

объективным подходом оба правопорядка также предпочли объективный подход, согласно которому условия договора должны толковаться с позиции среднего разумного человека.

Переходя к российскому гражданскому праву, важным для нас будет заранее определить, что является основанием применения правил о толковании и кто является субъектом, который может их применять. Представим ситуацию, при которой кредитор и должник надлежащим образом заключили договор. По прошествии времени настал срок исполнения обязательства, но происходит ситуация, при которой должник и кредитор поняли условия по-разному, и исполнение надлежащим образом становится невозможным. Можно ли сказать, что возникшая между сторонами ситуация является основанием для применения правил о толковании договора? Утвердительно на этот вопрос отвечают представители уральской юридической школы [13, с. 173]. Но едва ли такое суждение можно назвать правильным, ведь кредитор и должник могут между собой договориться, вследствие чего потребность обращения к способам толкования отпадает, а такая ситуация может восприниматься лишь как составной элемент фактического состава [4, с. 406]. Основанием для применения правил о толковании будет являться именно тот момент, когда стороны обратятся в суд, который будет применять законодательные положения, предусматривающие соответствующие правила толкования договора для разрешения ситуации. С опорой на нормативную базу, такую позицию аргументирует М.И. Брагинский, указывая, что на основании АПК и ГПК в соответствии с принципом состязательности, суд может осуществлять такое толкование только в случаях, когда это сделано во исполнение заявленных сторонами требований [14, с. 268]. Таким образом, мы определили, что основанием толкования, как и в практике англо-американского права является состав из двух элементов: неясное условие и обращение в суд, для его разъяснения.

Прежде чем переходить к анализу ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 431) [15] (Далее – ГК), посвященной толкованию

договора, следует прояснить ряд важных моментов. Исходя из того, что толкование договора необходимо, чтобы всякое договорное обязательство было исполнено в случае возникшего спора, мы всегда говорим о договоре действительном, заключенном, потому что только такой договор может влечь правовые последствия и быть исполнен. Вопрос об оспаривании сделки по пороку воли, например, не является предметом института толкования договора.

Также следует понимать, что не всякие жизненные обстоятельства можно заранее зафиксировать в тексте договора, поэтому возникают пробелы в регулировании возникших правоотношений. Важно понимать, что предмет толкования договора – это текст (а также иные объективированные признаки, например: переписка, переговоры, деловые обыкновения и др.), который является волеизъявлением сторон. Следовательно, толкование отличается от восполнения пробелов тем, что в подобном случае у судьи есть перед собой текст договорных условий, которые он мог бы толковать. Для разрешения пробелов договорного регулирования судья должен применять аналогию закона или аналогию права.

В доктрине выражается мнение, что способы толкования, изложенные в ст. 431 ГК, должны применяться иерархически, последовательно, поэтому ставится вопрос об императивности этой нормы [16]. Однако судебная практика пошла вразрез с такой научной позицией и фактически закрепила диспозитивный характер этой нормы в п.46 в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [17].

П. 46 упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда является чрезвычайно важным, поскольку в нем разъясняется, что суды могут применить иные подходы толкования договорных условий, отличные от перечисленных в ст. 431 ГК. Единственным условием является необходимость указания основания, в соответствии с которым приоритет был отдан соответствующим приемам толкования [17].

Автором не было найдено судебных решений, в которых суд применял нестандартные способы толкования договорных условий. В тех делах, которые были проанализированы, суды ссылались на соответствующий пункт Постановления, но, тем не менее, применяли традиционные способы, изложенные в ст. 431 [18].

А.А. Иванов и М.В. Кротов, комментируя данный пункт, также высказывались, что на данный момент иных способов толкования, не упомянутых законодателем или Верховным судом, не существует, поэтому наличие такого положения в Постановлении является сомнительным.

Рассматривая ст. 431 ГК, можно заметить тот самый порядок применения способов толкования, об иерархичности которого говорилось в комментарии Е.А. Суханова. Судья, столкнувшись с текстом договора, должен проанализировать его с помощью буквального способа толкования. Если буквальный способ не помог разрешить проблему, следует применить систематическое толкование. Если первые два способа не принесли результатов, то необходимо выявить общую волю сторон с учетом цели договора. В конечном счете, если ничего из перечисленного не позволило выявить содержание условий договора, его следует признать ничтожным.

Рассмотрим каждый из предложенных законодателем способов толкования и попробуем продемонстрировать примеры их использования в судебной практике.

Основываясь на абз. 1 ст. 431, можно сделать некоторые выводы. Законодатель устанавливает приоритет буквального толкования, которое должно применяться судьей в первую очередь при разрешении соответствующих споров о толковании договорных условий. Такое положение законодателя вполне логично, ведь, столкнувшись с текстом, судья так или иначе работает с ним, начинает работу с него и таким образом не может избежать буквального толкования. В том числе, как мне кажется, приоритет воли над волеизъявлением был умышленно исключен законодателем с учетом

той негативной практики, с которой столкнулась французская и немецкая практика.

Какие политико-правовые аргументы можно отнести к приоритету буквального толкования, закрепленного в отечественном законодательстве? Такое решение законодателя является правильным, поскольку большая часть договоров в силу точных и ясных выражений не нуждается в ином толковании, кроме как в буквальном, о чем свидетельствует в том числе зарубежная практика. Среди преимуществ приоритета буквального подхода можно выделить снижение экономических издержек, простоту и высокую скорость выполнения. Также приоритет буквального подхода дисциплинирует участников оборота к внимательному подбору выражений при оформлении договора.

При применении буквального толкования, как отмечает А.Г. Карапетов, судам необходимо оценивать текст с позиции объективного стороннего наблюдателя с учетом общепринятых слов и выражений, оцениваемых в соответствующем контексте [19, с. 936]. Таким образом, отечественный правопорядок отдает предпочтение объективному подходу, что находит отражение в судебной практике (Рассмотрим это подробнее ниже на примере разъяснения Верховного суда).

В большом количестве договоров, практика может встретиться с такими, ясность которых не следует из буквы договора. На этот случай законодатель во втором предложении первого абзаца ст. 431 ГК предлагает применять известное в теории права систематическое или системное толкование, как называет его Верховный суд РФ в абз.4 п.43 Постановлении Пленума №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

Систематическое толкование на первый взгляд элемент сугубо теоретический и малоприменимый на практике. Однако такое суждение является ошибочным, потому что суды часто прибегают к систематическому толкованию. Например, в Решении от 19 августа 2019 г. по делу № А56-

11677/2019 разрешается следующая ситуация: истец обратился в суд с требованием взыскать неустойку, но ответчик возразил, основываясь на том, что имеет место просрочка кредитора [20]. Суд при рассмотрении дела систематически истолковал положения договора, о чем упомянул в тексте решения, и пришел к выводу, что просрочки кредитора не было, потому что должником было представлено ненадлежащее исполнение. Основываясь на судебной практике, можно сказать, что при систематическом толковании суд пытается реконструировать наиболее вероятную общую волю сторон при этом оставаясь внутри текста договора.

В случае если систематическое толкование не позволяет устранить возникший конфликт, суд прибегает к правилу, установленному в абзаце 2 ст. 431, согласно которому для определения содержания договора должна быть выяснена общая воля сторон с учетом цели договора. Здесь, как я считаю, следует понимать, что, следуя немецкой традиции, выяснению подлежит не воля каждой из сторон, – которая, очевидно, не совпадает, иначе не было бы спора – а общая воля, выраженная в тексте.

При выяснении общей воли суд принимает во внимания все соответствующие обстоятельства: предшествующие переговоры, переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи. Нужно заметить, что данный перечень обстоятельств выполняет ориентирующую функцию и не является исчерпывающим и субординированным.

Е.А. Сухановым отстаивается позиция, согласно которой переговоры означают устное выражение воли и, следовательно, не могут использоваться как доказательство в случаях, когда договор требует письменной формы [16, с. 223]. Но с такой позицией вряд ли можно согласиться, потому что это противоречит цели абз.2 ст. 431, согласно которому предложенные законодателем способы должны способствовать выяснению общей воли сторон, чему могут помочь в том числе переговоры. Однако, вновь ориентируясь на немецкий опыт, следует также понимать, что не стоит слепо верить устным доказательствам – переговорам – , а лишь учитывать их при разрешении дела.

Рассматривая судебную практику, в рамках работы содержание этого понятия необходимо толковать широко. Судебная практика включает в себя не только решения судов по конкретным делам, но и действующие разъяснения Верховного суда и Высшего арбитражного суда в формах постановлений и информационных писем.

На мой взгляд, разъяснения высших судебных инстанций можно классифицировать по двум направлениям. Первое направление связано с частными случаями, казуистикой, при которых высшая судебная инстанция разъясняет нижестоящим судам, как следует толковать то или иное положение в договоре. Второе направление связано с разъяснениями, касающимися общих положений толкования договора.

В целях того, чтобы приведенная классификация была понятнее, приведу в качестве примера частного регулирования института толкования договора информационное письмо Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 N 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации», которое разъясняет: «Если договором предусмотрено, что денежное обязательство выражается и оплачивается в иностранной валюте, хотя в силу законодательства это исполнено быть не может, то такое обязательство следует рассматривать как подлежащее оплате в рублях по официальному курсу соответствующей валюты» [21]. Следовательно, судам предлагается толковать данный момент в договорах единственным вышеизложенным образом.

Основным предметом рассмотрения будет недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», направленное на регулирование общих положений института толкования договора. Рассматривая новеллы, закрепленные Верховным судом, можно заметить, что практически все пункты непосредственно или опосредованно исходят к принципу добросовестности. Вопрос насколько практика регулярного применения принципа

добросовестности оправдана и какие несёт риски важен. Ответить на него предлагается отечественной доктрине. Параллельно рассмотрению разъяснения Верховного суда будут анализироваться конкретные судебные решения на предмет использования его на практике правоприменителем.

Существует важный вопрос в цивилистической доктрине по поводу того, должен ли суд толковать условия с опорой только на текст или он должен анализировать его в том числе через нормативную систему. В российском правопорядке ответ на это дал Верховный суд, установив в рассматриваемом Постановлении в абз.1 п.43, что условия должны толковаться в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, другими положениями ГК, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права [17].

С такой позицией не совсем согласен бывший Председатель ВАС А.А. Иванов, отмечающий, что методологически к основным началам гражданского законодательства следует обращаться лишь в последнюю очередь, когда никакие иные средства не позволяют разрешить ситуацию.

Законодатель оставил открытым вопрос применения объективного и субъективного подходов судами. Важно отметить, что проблема применения подходов была решена в доктрине гражданского права ранее, но и также недавно закреплена Верховным судом, который в рассматриваемом Постановлении установил, что в отечественном правопорядке при толковании договора должен применяться объективный подход как основной и единственный. Согласно абз. 2 п. 43, буквальное толкование должно происходить с учетом общепринятого употребления слов и выражений любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно [17].

Насколько такое решение Верховного суда является правильным? На мой взгляд, оно оправдано и полностью соответствуют требованиям современного оборота благ и соответствует современным тенденциям зарубежной и международной практики. В пользу объективного подхода также выразились

профессоры Кётц и Цвайгерт: «Ныне все согласны с тем, что в вопросе о волеизъявлении нельзя ограничиваться лишь тем значением, которое в него вкладывали волеизъявитель или тот, кому оно было адресовано во время заключения договора или в данный момент [5, с. 117]». Также такой подход в целом дисциплинирует участников оборота и устанавливает правовую определенность в отношениях между ними.

Судебная практика также активно применяет данное разъяснение. В Решении от 7 ноября 2019 г. по делу № А33-10883/2019 суд указал, что: «При толковании условий договора в силу абзаца первой статьи 431 ГК РФ судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений (буквальное толкование). Такое значение определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела».

Во второй части абз. 3 п.43 рассматриваемого Постановления указывается, что толкование не должно приводить к такому пониманию, которое стороны с очевидностью не могли бы иметь в виду [17]. В данном случае мы можем видеть, что Верховный суд закрепил в отечественном правопорядке правило об абсурдности, известное в том числе зарубежной практике. Полезность разъяснения для нижестоящих судов едва ли можно высоко оценить, поскольку при толковании договорных условий суд имеет целью установить общую волю. Логично предположить, что установление того, чего стороны не могли иметь с очевидностью, если и возможно на практике, то скорее носит исключительный характер, так как противоречит самой сути института толкования договора, необходимого для содействия цели обязательства – его исполнению.

Очередной новеллой в отечественном институте толкования договора является принцип *favor contractus* (сохранение договора), ранее известный цивилистической доктрине и закрепленный в международных актах. Например,

в ст.4.5 Принципов международных коммерческих договоров (Принцип УНИДРУА) установлено: «Условия договора должны толковаться таким образом, чтобы всем им было придано значение, а не лишать силы какие-либо из них» [22]. Верховный суд в п.44 рассматриваемого Постановления интерпретирует принцип следующим образом: «Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу [17]».

Судебная практика активно применяет данный принцип. Например, Арбитражным судом Ставропольского края было рассмотрено дело и вынесено Решение от 3 июня 2019 г. по делу № А63-24643/2018 [23]. В этом деле возник спор о заключенности договора аренды. Суд, ссылаясь на принцип сохранения договора, признал его заключенным, учитывая предоставленные доказательства сторон.

Насколько такая концепция оправдана? Допустим, что условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или его незаключенности, а другой не приводит к таким последствиям. Приоритет будет у того варианта, который сохраняет силу. На мой взгляд, такое положение может ввести ряд рисков в договорную практику, потому что вмешательство суда в волю сторон и её интерпретации в варианте, который делал бы его действительным, поступает на принципы свободы договора, автономии воли.

В отечественном правопорядке также окончательно установился принцип *contra proferentem* (против предложившего), который ранее был известен доктрине, зарубежному законодательству и международным актам, а также присутствовал в отечественной судебной практике, в частности в п.11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» [24]. Верховный суд разъясняет принцип следующим образом: «По смыслу абзаца второго статьи 431 ГК РФ при неясности условий договора и

невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия». В рамках принципа Верховный суд закрепляет презумпцию профессиональной стороны. Следовательно, пока не доказано иное, предполагается, что стороной, подготовившей проект договора, является лицо, профессионально осуществляющее деятельность в сфере, требующей специальных познаний.

Принцип *contra proferentem* (против предложившего) активно применяется в судебной практике при разрешении дел. Например, Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области было рассмотрено дело и вынесено Решение от 10 октября 2013 г. по делу № А56-3139/2012 [25]. Согласно факту, между сторонами был заключен договор коммерческого кредита. Исходя из условий договора, было неочевидно, с какого периода начинают начисляться 0,3%. Суд принял позицию покупателя, сославшись на принцип *contra proferentem*, указав, что 0,3% начисляются лишь по истечении 45 дней, а не сразу.

Данный принцип можно критиковать по нескольким основаниям. Во-первых, возникает вопрос: насколько оправданно с этической, политико-правовой точки зрения вмешательство суда в волю сторон, которая может быть интерпретирована против желания сторон? Важно понимать, что подобное толкование не должно быть камуфляжем для судебного вмешательства в договор. Для борьбы с несправедливостью есть другие инструменты [26].

А.М. Ширвиндт отмечает, что по своему содержанию принцип *contra proferentem* не является способом толкования. К такому выводу действительно можно прийти, поскольку цель каждого толкования – поиск истины. В принципе *contra proferentem* (против предложившего) целью является не выяснить общую волю сторон, а наказать лицо, ответственное за составление условия, подвергнутого сомнению. Следует согласиться, что *contra proferentem*

(против предложившего) можно по функциональному назначению отнести к мерам ответственности за ненадлежащее оформление условий договора.

А.А. Иванов и М.В. Кротов критикуют не столько принцип, сколько само разъяснение Верховного суда по этому поводу, поскольку, по их мнению, неочевидно, когда принцип *contra proferentem* (против предложившего) необходимо применять. Я не могу согласиться с такой позицией. В п.45 Постановления Верховного суда указано, что прибегнуть к такому способу можно только в случаях, когда сохраняется неясность условий договора и невозможность установить действительную общую волю сторон иным образом. К такому же выводу можно прийти, анализируя карательный характер *contra proferentem*. Поскольку любая ответственность наступает в последний момент, то логично предположить, что *contra proferentem* (против предложившего) должен применяться в последнюю очередь.

Подводя итоги, можно сказать следующее:

Российским законодателем была учтена зарубежная практика, благодаря анализу которой была разработана ст. 431 ГК, покрывающая основной пласт вопросов, возникающих при толковании договорных условий. Но развитие имущественного оборота вынудило практику встретиться с тем, с чем стандартные способы не могли бы справиться или такой механизм воспринимался не соответствующим справедливости. В результате, Верховному суду пришлось дополнить регулирование института толкования договора современными способами, широко используемыми в мировой практике.

Среди спорных вопросов следует выделить способы толкования *favor contractus*, *contra preferentem*, которые содержат риск вмешательства суда в автономию воли сторон. Найти политико-правовые аргументы на эти вопросы следует доктрине. Также среди проблем следует выделить решения судов. П.46 ПП ВС 49 установил диспозитивность применения способов толкования при мотивирование выбранного способа. Суды при рассмотрении дел активно ссылаются на этот пункт, но не мотивируют свой выбор. Также как показывает

практика, в подавляющем большинстве случаев на этот пункт ссылаются без надобности, поскольку суд при разрешении дела применяет правила, предусмотренные ст. 431 ГК.

Можно ли говорить о каких-то общемировых тенденциях в рамках института толкования договора?

Как мне кажется, одной из общих тенденций является использование одних и тех же способов толкования договора, которые применяются как в континентальном, так и в англо-американском праве. Например, среди этих способов можно выделить: приоритет буквального толкования, правило об абсурдности, *favor contractus* (сохранение договора), *contra proferentem* (против предложившего) и др. Такую схожесть считаю вполне оправданной, потому что толкование договора есть процесс познания, следовательно, способы толкования не могут иметь национального характера, так как характерны человечеству в целом.

Другой общей тенденцией следует отметить, что континентальный и англо-американский правопорядки признают приоритет объективного подхода. Несмотря на то что в отечественной практике ранее применялся объективный подход, он не находил официального закрепления. Только абз. 2 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда №49 окончательно закрепил приоритет объективного подхода как единственного в российском гражданском праве. Такое положение дел вполне можно объяснить, потому что подобная тенденция вызвана объективной необходимостью в подходе, согласно которому воля стороны должна толковаться с позиции среднего разумного человека. Этот подход способствует активному развитию имущественного оборота.

Список литературы:

1. Richard A. Posner The Law and Economics of Contract Interpretation, Texas Law Review. 2005. p. 52.
2. Benoliel U. The Interpretation of Commercial Contracts: An Empirical Study, Alabama Law Review. 2009.

3. Байрамкулов А.К. Основы учения о толковании гражданско-правового договора // Вестник гражданского права. 2013. N 6. с. 5 – 40.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. / Е. Е. Богданова, Д. Е. Богданов, Л. Ю. Василевская и др.; под ред. Е. Е. Богдановой. Москва: Проспект, 2020.
5. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: Том 2. / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998 с. 512.
6. Zimmerman R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Traditions. Oxford University Press, 1996 p. 1241.
7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – 8-е изд. – Москва: Статут, 2020. – с. 351
8. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. с. 657.
9. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequumius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М: Статут. с. 202-243.
10. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. с. 567.
11. Ян Шапп Система германского гражданского права: учебник / Пер. с нем. С.В. Королева. М.: Междунар. отношения, 2006. с. 360.
12. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом 2: Введение и Общая часть / Пер. с нем. Л.: Иностран. лит., 1950. с. 483
13. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгало, Д. В. Мурзин и др.; под общ. ред. чл.-корр. РАН С. С. Алексеева, С. А. Степанова. Москва: Проспект; 2014. с. 440.
14. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. с. 847.
15. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27 - 29 / В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, А.В. Демкина и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2016.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // «Российская газета», N 4, 11.01.2019, «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2019.

18. Постановление от 30 октября 2019 г. по делу № А73-22451/2018.

19. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. с. 1120.

20. Решение от 19 августа 2019 г. по делу № А56-11677/2019.

21. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 N 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Вестник ВАС РФ», N 1, 2003, Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ», N 10, 2003 (ч. 1).

22. «Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» (1994 год) // «Закон», N 12, 1995, «Библиотечка "Российской газеты"», вып. 13, 2001.

23. Решение от 3 июня 2019 г. по делу № А63-24643/2018.

24. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // «Вестник ВАС РФ», N 5, май, 2014, «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение), N 16, 25.04.2014.

25. Решение от 10 октября 2013 г. по делу № А56-3139/2012.

26. Карапетов А.Г. Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 7/2013.